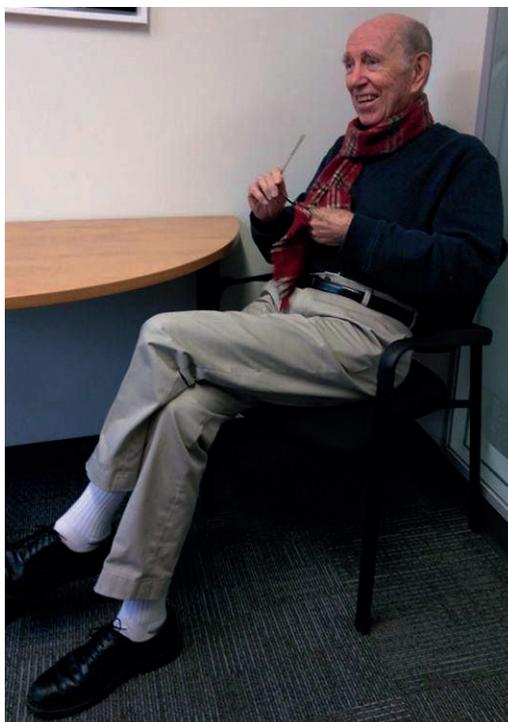


К 85-летию М. Коула

От редакции

13 апреля 2023 г. исполнилось 85 лет со дня рождения современного подвижника, классика культурно-исторической и теоретико-деятельностной психологии Майкла Коула, эмеритус-профессора Университета Сан-Диего (США), ученика А.Р. Лурии, соратника и друга выдающихся отечественных ученых В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, Ф.Т. Михайлова, члена Редакционного совета журнала «Культурно-историческая психология». Его вклад в развитие и интернационализацию единого детища советской, российской науки — культурно-исторического подхода и теории деятельности к пониманию природы, законов и механизмов психической жизни человека — поистине бесценен. Его книги и статьи неоднократно издавались в нашей стране.



Майкл Коул в Университете Simon Fraser
(Ванкувер, Канада), март 2017 г.
Фото Г.К. Уразалиевой. Из личного архива
В.Т. Кудрявцева

Профессору Майклу Коулу

Дорогой Майкл!

Много лет назад молодым исследователем Вы направлялись на научную стажировку. В здании офиса г. Блумингтон (Штат Индиана), где оформлялись такие стажировки, войдя в лифт, Вы случайно нажали не на ту кнопку. И оказались на этаже, «откуда» направляют в Москву, в МГУ, в итоге, к Александру Романовичу Лурии. Вы подумали — и сделали свой вы-

бор. Сделали его в подтверждение тезиса Сальвадора Дали: «Ошибка — это от Бога». Все остальное, всем известное, — следствие этой прекрасной «ошибки».

Без нее новая и новейшая культурно-историческая психология была бы другой, а имя ее основателя Л.С. Выготского, возможно, не звучало бы так громко и гордо на весь мир — в этом Вы разделяете заслугу Джерома Брунера, Александра Лурии и Гиты Выгодской. Вы сегодня являетесь бесспорным лиде-

CC BY-NC

ром культурно-исторической психологии и авторитетнейшим наставником для многих из тех во всем мире, кто избрал ее своей научной судьбой.

Созданная в СССР культурно-историческая теория, которую трудно представить вне ее развития в рамках теории деятельности (их взаимоотношения нельзя назвать идеальными, существуют расхождения по ряду, в том числе не самых второстепенных, вопросов, но генетическое родство — факт) сплачивают сообщества психологов всех континентов. В Европе, Азии, Северной и Южной Америке, Австралии, теперь в Африке на этой базе возникают новые направления. И везде хорошо известно и уважаемо Ваше имя. И на Вас держится их общность и полифония идей.

Вашими руками из XX в XXI век переброшен мост идей школы Л.С. Выготского. Вы по-прежнему остаетесь «организатором движения» по нему в то, что Вы назвали «наукой будущего», а Ваш учитель А.Р. Лурия — «романтической наукой». Будущее всегда хочется видеть романтично. Но можно и сделать, исходя из этого видения, вопреки всему. У Вас это всегда получалось.

Несущая конструкции этого моста — журнал «Культурно-историческая психология». Мы благо-

дарны Вам за сотрудничество с журналом и надеемся на его долгое и счастливое продление!

Примите наши поздравления с замечательным юбилеем!

В.В. Рубцов,
Президент МГППУ,
заведующий кафедрой ЮНЕСКО МГПУ
«Культурно-историческая психология детства»

Б.Д. Эльконин,
главный редактор журнала
«Культурно-историческая психология»

В.Т. Кудрявцев,
профессор кафедры ЮНЕСКО
«Культурно-историческая психология
детства» МГПУ

Редакция журнала присоединяется к этому поздравлению и пожеланию дальнейшего сотрудничества, которое, вне сомнения, принесет новые добрые плоды и засеет новыми семенами поле культурно-исторической психологии — науки и практики саморазвития человека в XXI веке.

Мой Майкл Коул

Когда я думаю о Майкле Коуле, то моя ненадежная память рождает следующие образы. Не могу назвать год, но к этому моменту я уже точно завершил свою студенческую жизнь и начал преподавать на факультете психологии. Именно в период с 72-го года началось реальное и идеальное общение с Коулом.

Первая встреча с ним — это мое знакомство с энергичным рыжим человеком в доме Александра Романовича Лурии на улице Фрунзе. Лурия сказал: «Это мой ученик Майкл Коул. С ним мы делаем очень многие вещи. А ты будешь помогать ему делать журнал «*Soviet Psychology*». Прежде всего Коул потрясал меня уверенностью в своих действиях. Он был и остается воплощением мощной человеческой и интеллектуальной энергии. Я увидел в Коуле то, что он, говоря мессианским языком, *избран*. И не понимал, чувствует он эту избранность или нет. Он избран, чтобы в мир познания человека пришли идеи Выготского и культурно-исторической психологии.

У меня в жизни потом образовалось два друга — Джим Верч и Майк Коул. С Майком я общался меньше, а с Джимом намного больше. Но для меня эти два человека стали родными. И то, как любил Майкл Лурию, мало кто мог любить Лурию. Вот эта любовь к Лурии была невероятно важной. Джим также был влюблен в Лурию, но Джим эту любовь мог делить с его руководителем Алексеем Алексеевичем Леонтьевым, мог также распространять свою любовь на многих других психологов.

Другим кругом общения Майкла, в моем восприятии, были разные люди, но среди них это прежде все-

го Владимир Зинченко и Иосиф Фейгенберг. Иосиф Фейгенберг, среди всех исследователей, с которыми он общался, при мне не раз жадно рассказывал Коулу о том, что мир Бернштейна — главный мир психологии. Иосиф Моисеевич Фейгенберг очень скептически относился к теории деятельности Леонтьева. Но он умел найти куда более прямой диалог с Майклом Коулом, и Лурия был для этого диалога психологическим подлежащим. И для меня идея артефакта Коула близка идее Фейгенберга о человеке, достроенном орудием. Они для меня все более и более объединяются как дополняющие друг друга.

Ну а потом, все эти долгие годы, были разные встречи с Майклом. И происходила следующая вещь — чем дальше, тем роднее мне становился Майкл. Помимо вещей, связанных с наукой, Майкл очень тепло стал относиться к Жене Фейгенберг и Грише Асмолову. А последние несколько лет — постоянное, с помощью Майкла, обращение к Выготскому, осмысление Выготского. Благодаря Майклу я чувствую, что Выготский является не далеким, а близким собеседником. Вот этот эффект создает общение с Майклом и, думаю, будет создавать его и дальше.

Произошла дискуссия между Владимиром Петровичем Зинченко, Александром Сурмавой и мной при переводе книги Коула на русский. Она отражена в «Вопросах психологии». Очень трудно было перевести название книги Коула на русский так, чтобы оно было понятно и нам, и за рубежом. Благодаря Коулу мы стали искать имя для теории Выготского. И была опасность, на что я обратил внимание Коула и Зин-

ченко, что термин «культурная психология» будет воспринят рядом исследователей, не находящихся в рамках культурно-исторической психологии, как кросс-культурная психология. У Коула, как и у Скрибнер, с которой он писал книгу, другое мышление. У него мышление не кросс-культурное, а культурно-историческое. Это разные образы мышления. И последние годы меня порадовало то, что эти его работы и другие вдруг помогли понять, что Выготский — это культурно-исторический эволюционизм. А тем самым увидеть связь с тем, что я делаю, — историко-эволюционным подходом.

Но именно дискуссия по поводу книги Коула о культурной психологии, которую слишком резко Зинченко с Мещеряковым перевели как «культурно-историческая» и их дискуссия с Сурмавой, в которую я вмешался, породила термин «культурно-деятельностная». Сурмава между делом обронил сочетание «культурно-деятельностная», а для меня оно стало уникальным ходом для помещения в диалог двух линий психологии — культурно-исторической психологии Выготского и деятельностной психологии Леонтьева. Я четко понимал единство этих двух линий, что это — росток и его ответвление. И то, что Сурмава бросил как термин, я подхватил и ввел в психологию. То есть этот конструкт возник благодаря Коулу, благодаря обсуждению его книги.

Бывает, когда я отчаиваюсь и думаю: а зачем то, что мы с Евгенией Дмитриевной Шехтер делаем, и насколько это одиноко — историко-эволюционный подход? Но когда я вижу, как сегодня Майкл помешан на эволюционизме... сегодня и Майкл, и я, и по-другому Александр Поддъяков помешаны на идеях эволюционизма, а значит, здесь надо копать, а значит, здесь эта помешанность определяет для нас нашу зону ближайшего развития. Историко-эволюционный подход появился полностью независимо от Майкла, но его дискуссии этих прошлых лет, его конструкция, которую он называет «регенерацией деятельностного подхода», дали мне надежду, что мы двигаемся вместе. Жалко, что многие этого не рефлексируют.

И не было бы такой помешанности, не было бы культурно-деятельностного названия в нашей российской психологии, и не было бы уверенности в том, что мы двигаемся вместе, если бы не Коул.

А.Г. Асмолов
академик РАО;
доктор психологических наук, профессор,
зав. кафедрой психологии личности
факультета психологии,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова